

© 1993 г.

ДЕТИ КАК ВЗРОСЛЫЕ?

Мальчишки и девочки любят не только сказки и мультики. Как губка, они впитывают в себя разговоры взрослых, ходячие истории и анекдоты, наслаивают их на сказочные сюжеты и, в конце концов, приходят к собственному мнению о ценах, о президентах, о коммунистах и демократах. Сказки, услышанные в детстве, врезаются в память на всю жизнь. В какой-то мере это верно и в отношении политических впечатлений — от многих из них детям не избавиться уже никогда. Тем самым, вступая в разговор с ними, мы имеем возможность немного приоткрыть дверь в будущее и увидеть, какими они станут. Еще важнее, какие они есть. Что представляют собой дети, родившиеся в самом начале новой российской Смуты, с какими представлениями они входят в мир?

Задавая такими вопросами, группа социологов Института философии и права Уральского отделения РАН провела опрос 253 детей старшего дошкольного возраста. Обработав материалы бесед, исследователи делятся своими впечатлениями.

Наше общество всегда нуждалось в милитаризованных людях — солдатах — и с детства нас учили играть в войну. Мир ребенка формируется в игре и, во многом, через игрушку. Хороших игрушек всегда не хватало, но что предлагалось и преподносилось регулярно, так это пистолеты, танки, автоматы...

В своем выборе игрушек девочки традиционны — из предложенного набора, как правило, выбирают куклу, коляску, мишку. Мальчики же настроены воинственно. Они играют в «войнушку», рисуют ее. Оружие им необходимо, чтобы воевать с «немцами». Более половины из них отдают предпочтение пистолету или солдатикам. Единственный конкурент — красивый и дорогостоящий луноход. Даже конструктор не в счет. Его пожелали иметь лишь 7% мальчиков.

Поддающееся большинство мальчишек желает служить в армии, и это естественно. Но обратим внимание на их основные мотивы: «Там силу можно накачать», «Там воевать можно и оружие дают», «Буду бомбы возить и немцем бомбить». В армейской жизни детей завораживают сила, оружие и доступ к нему.

Справедливости ради следует все же сказать,

что большинство детей (с учетом девочек) выбирает сегодня гражданскую профессию врача, шофера, повара, художника, бизнесмена и даже звездочета. Конечно же, девочки не мечтают возить бомбы, но, тем не менее, сегодня каждая седьмая из них желает служить в армии: «Буду командиркой», «Я бы хотела служить врачом. Я войны не боюсь», «Там хорошо, там можно ездить на танках». И девочки, и мальчики проявляют явную склонность к ношению униформы (38% и 69% соответственно). Больше половины всех детей — имеют они такую возможность — хотели бы ходить в детский сад в форме. Добавим также, что большинство опрошенных (77%) желало бы видеть своего папу, дядю или брата военными.

Наверное, современные дети очень похожи на предыдущие поколения. И все же нынешнее время наложило свой отпечаток. Весьма показательно, что сегодня 22% мальчиков шестилетнего возраста не только не мечтают надеть шинель и зашагать в бравурном марше, но и слышать не хотят о службе в армии. При этом они демонстрируют свою осведомленность об армейской жизни, которая лишена для них романтической окраски. Часть наших собеседников задумчиво отвечали: «В армию не пошел бы, там все грубияны — с полком сталкивают», «Папа говорил, что его в армии даже учили воровать», «Моего папу там пытали», «Там убьют — мама говорила», «Там убьют меня. Там всех убивают». Других страшит оружие: «Страшно — там настоящие винтовки». У третьих более «серьезные» причины: «Там налысо бреют», «Там пол заставляют мыть и делать разные дела, которые не хочется». Показательно и то, что при всем несомненном патриотизме и высоком мнении о мощи нашей армии («Наша армия самая сильная в мире») 10% опрошенных детей видят сильнейшую армию американской, немецкой, китайской.

Просматривая старые открытки и журналы, нетрудно натолкнуться на символическую троицу: белый, желтый и черный парни дружно держатся за руки. И еще: представители разных народов в национальных костюмах образуют длинную цепочку. У нас всегда любили африканцев, китайцев, индейцев. Дружили целыми

народами. Правда, об искренности любви никто не спрашивал. А что думают дети? Мы задали им простой вопрос: если бы в вашу группу пришел черный мальчик или девочка (негры), вы бы стали с ними играть, дружить?

Ответы прозвучали неоднозначные. Вася сказал прямо: «Конечно, он нормальный человек, только как бы сильно загорел и все!» Витя поставил условие: «Если драться не, будет». Костя тоже согласился, но пояснил, почему будет дружить: «Он бы мне бананов дал».

Подобных положительных ответов было большинство, но не подавляющее. 44% ребят ответили отрицательно. И это немало. Екатеринбургские дети почти не сталкивались с неграмми, но часто испытывают к ним отрицательные чувства. Барьером является язык: «Он не нашему разговаривать будет». Но не только. Пугает цвет кожи, наконец, непристязность такого рода отношений, боязнь выглядеть не так, как все. Вот наиболее характерные размышления: «Негр черный, как кочегар», «Я не люблю негров. Они черные, губы слишком толстые, а зубы белые», «Меня же все засмеют!», «Ее сразу засмеют, а мне стыдно будет с ней играть», «Фу-у... они противные!»

Африканцы все же необычны для нас. Может быть, с дружбой народов в целом картина выглядит иначе? Здесь детям было предложено сказать (согласно небольшому перечню), хотят ли они учиться в школе в одном классе с ребятами других национальностей. Опрос показал, что дети весьма националистичны. Единственной нацией, которая пользуется симпатиями у большинства наших детсадовцев, являются американцы (65% всех опрошенных). Больше всего здесь досталось цыганам (87% негативных ответов). Детям эта национальность известна в основном в контексте скандальных и криминальных историй: «Гадать будут», « Попрошайничают на остановках», «Они со шпанами дружат», «Воруют, пляшут вокруг человека и воруют».

Менее категоричны дети оказались в отношении украинцев, евреев, французов, главным образом, в силу малой осведомленности. Однако мы поняли, что уже в начале своей жизни они живут в националистичной и часто податски безжалостной среде.

В ходе исследования мы пытались выяснить, как дети оценивают недавнее прошлое своей страны, какие видят жизненные перспективы. 60% детей убеждены, что раньше жилось лучше. Прошлое — это время дешевизны: «Раньше все дешево было, у родителей деньги были», «Раньше жвачек не было, зато хлеб и молоко были», «Цены были низкие — за 20 копеек можно было купить 20 тетрадей». Это и век избобилия: «В магазинах все было. Сейчас в "Детском мире" вместо игрушек другое продает-

ся». Зачастую, говоря о прошлом, дети выдают свои заветные мечты: «Раньше спички стоили одну копейку. В лагерь поеду с Сашкой, там целую пачку сыра, целый кусок давать будут». Еще чаще прошлое предстает как исповедь-воспоминание об экзотических фруктах: «Там кокосы продавались», «Раньше были бананы», «Когда папа был маленьким, он ел бананы, а я только один раз». Бананы — сквозная тема, преследовавшая нас неотступно в каждом садике.

Оценивая настоящее, дети рады появлению жвачек, иностранных автомобилей, но они чувствуют атмосферу царящего в стране разлада: «Сейчас политики всех убивают, а раньше бананы были, желе и недорого», «Раньше солдаты защищали Родину, а теперь воюют». Причин понять они не могут, но объяснение происходящему предлагают порой неожиданное. Шестилетний Саша дал такой комментарий: «Раньше Бог гулял, а сейчас Он на небе. Когда Он на Земле был, было лучше — Он злых мог уничтожать. Раньше верили в Бога, а сейчас многие не верят». Рыжеволосая Катя сказала иначе: «Раньше ничего не воровали и были честные люди, а в эти времена стали плохие люди, так как денег у них нет».

В целом дети старшего дошкольного возраста достаточно пессимистичны. Нередко они уподобляются старикам, не ждущим от жизни ничего хорошего: «Я буду жить хуже, чем папа и мама». Некоторые же по-своему пессимистично-оптимистичны: «Надо жить в XXI веке. Там все будет лучше». Подобно взрослым, уже привыкшим жить либо прошлым, либо мечтами о будущем, они не живут настоящим.

Мы спросили каждого ребенка: «Ты бы хотел уехать за границу жить навсегда?» Нет, малыши не грезят заграничной поволоной. В данном случае они стоят на перепутье. Их сознание, как говорится, расколото. 47% детей вообще не хотят никуда уезжать. Они говорят: «Я тут родился», «Это моя родина, я с ней не могу расстаться». 5% не могут дать никакого ответа. А вот остальные 48% ребят уже сегодня «готовы» паковать чемоданы. У каждого из них своя граница — это и место, где не бывает зимы, и то, что у взрослых называется «ближайшее зарубежье» (Украина, Казахстан, Беларусь...), и далекие страны. Большинство из них мечтает об Америке.

Прежде знания о Ленине были обязательной частью программы во всех дошкольных учреждениях. Общество нуждалось в вожде и культивировало идеологию вождизма. Сегодня ситуация изменилась. 16% маленьких детей вообще не слышали об этом человеке. Остальные что-то «знают» о нем. Для большинства таких ребят он — воплощение абсолютного добра и справедливости (75%). Послушаем их: «Он чело-

век добрый, грамотный. Он весь мир заставлял жить хорошо. Он самый хороший человек», «Он вождь коммунистов. Ленин был царем — хорошим. Он всей Землей правил», «Ленин — вождь демократов. Он жил 700 или 100 лет назад. Он хотел, чтобы мир был и врагов не было; чтобы людям есть хватало, чтобы на всех разделить», «Это очень хороший человек».

Очень немногие (7%) дают негативную оценку вождю. Их «знания» свидетельствуют о начале переоценки ценностей во взрослой среде. Мнения здесь столь же крайние, как и выше. Там он — гений, здесь — злодей. Миша: «Он царя убил. Он садист был». Алеша: «Он плохой, мой папа называет его паршивцем». Коля: «Он был злым, он все превращал в шепки, рушил церкви».

Дети слабо осведомлены о коммунистах. Большинство о них ничего не знает. Для других же это «люди добрые и требовательные», которые «хотели, чтобы денег много было, хлеба много и поесть чтобы было». Для третьих, напротив, они люди плохие — «создают всякие перевороты». Изредка ребенок, начинает рассуждать: «Они были за Ленина и хотели, чтобы лучше все было. Сейчас коммунизм развалился и коммунистов мало осталось. Сталин мешал и ошибок много было. Он больше людей убивал, чем Гитлер». Но канул ли коммунизм в лету в потаенных глубинах детского сознания? Говорить об этом преждевременно.

Неудивительно, что и дети, научившиеся ходить в период ломки всех стереотипов, до сих пор живут «в осажденной крепости». Лишь для 2% ребят врагов не существует вообще. В глазах детей главный наш враг — мафия, бандиты. Здесь почти полное единодушие. Так считают 95% маленьких респондентов.

Назойливое чувство врага сопряжено у детей с ощущением опасности и ожиданием военного нападения извне (63%). Возможный внешний агрессор, по их мнению, — это немцы, фашисты: «Они близко живут», «Будет опять война, ядерная бомба упадет. Немцы нападут», «У них танки железные едут!» Фигурирует также мафия, татары, французы, Китай, Садам Хусейн, инопланетяне... Докатывается до детей и эхо ближних конфликтов, разгул преступности на территории бывшего СССР. Примечательно такое замечание мальчика: «На нас уже напали». Враг затаился в детском сердце, и, кажется, сам мир повернут к ним своей враждебной стороной.

Дети хотят иметь друзей, и они убеждены (67%): «Друзей, конечно, больше, врагов только тоже много». Богатым в садике не доверяют, зато бедные и нищие пользуются большим авторитетом (86%). Малыши отмечают внутреннее родство с бедными и не отделяют себя от них: «Они бедные, и мы тоже бедные». Разница

заключается лишь в том, что другие бедные — это дедушки со шляпами в городских переходах, инвалиды и те, кто мало получает. Дети убеждены, что «бедные всегда добрые» и «никогда не ссорятся, если только не опьянели».

Гораздо труднее ребенку решить, кем же быть самому: бедным или богатым? Мнения здесь резко расходятся: «Бедным быть лучше, так как и им иногда удача бывает», «Я хочу быть богатым только наполовину и отдавать все остальное бедным», «Лучше быть богатым, хоть и врагом. Я буду бизнесменом. Это человек, у которого есть и дом, и стенка, и машина».

Надеясь на руку друга, дети не сомневаются, что случись у нас беда (землетрясение, голод, война), нам обязательно будет оказана помощь (75%): «Из Америки пришлют строительные материалы. Англия может дать деньги», «Поможет Германия, если только она не будет воевать с нами», «Приедут из всех стран грузовики с гуманитарной помощью». Рассчитывая на помощь, они сами готовы помогать всем нуждающимся (90%): «Хоть кому надо помогать — любой заказ». Дети чрезвычайно милосердны и стремятся иметь друзей — они не останутся одинокими в этом мире.

Мы живем в патерналистском обществе. Все события политической жизни воспринимаются у нас в лице отцов, вождей, руководителей. Они ежедневно и ежечасно на слуху и на виду. Мы попытались выяснить, знают ли дети современных руководителей, политических деятелей. Были заданы вопросы: «Кто такой Ельцин, кто такой Горбачев? Кто тебе больше нравится?»

Оказалось, что о лидерах дети достаточно осведомлены — «знающих» 77%. Дети уверенно отвечали, что это «президенты», «депутаты» и даже «цари»: «Ельцин как бы король, только у него нет короны, богатства и палача», «Горбачев — это царь».

Учитывая специфику региона, можно было заранее предположить, на чьей стороне будут симпатии. И действительно, по нашим данным, Ельцину доверяют 56% дошкольников. В представлении детей Ельцин добрый, хороший, красивый. Он большой и широкий, всегда улыбается. Ельцин «все знает», но самое главное — «Он Россию нашу голодом не морит и знает, что цены повышены и борется с этим».

Но как бы ни относились дети к президентам, они видят в них вершителей своих судеб, вождей, подобных Ленину. Неслучайно в своих размышлениях они мысленно обращаются к нему: «Ельцин с Лениным дружил, когда маленьким был», «Мне не нравятся ни Ельцин, ни Горбачев. Я Ленина больше люблю». Общие черты, которыми наделяют дети своих героев: добрый, хороший, книжки детские пишет...

С.В. МОШКИН, В.Н. РУДЕНКО